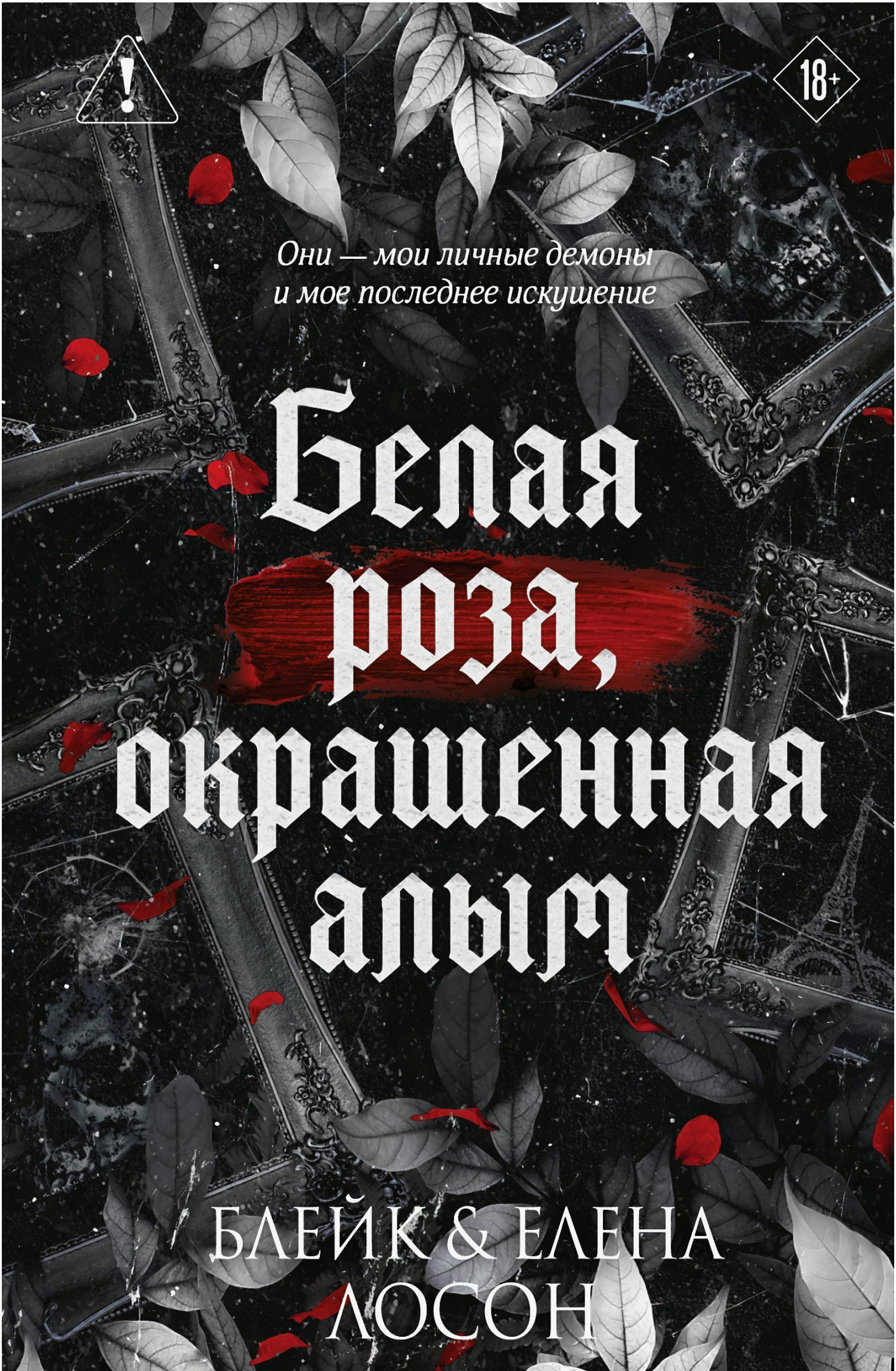

18+
Они — мои личные демоны
и мое последнее искушение
Белая роза, окрашенная алым
БЛЕЙК & ЕЛЕНА ЛОСОН

Клан грешников

Блейк Лосон

Белая роза, окрашенная алым

«Эксмо»
2026

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лосон Б.

Белая роза, окрашенная алым / Б. Лосон — «Эксмо», 2026 — (Клан грешников)

ISBN 978-5-04-256759-9

Симбиоз дарк романса и криминального триллера с тропами «вынужденная близость», «травмированный герой», «обретение семьи», «серая мораль». Аврора думала, что попала в плен к трем монстрам. Но с каждым днем девушка все отчетливее понимает: их тьма пугает ее куда меньше, чем то, как сильно она хочет стать ее частью. Я отчаянно старалась сбежать от своего бывшего, петляя по темным горным серпантинам. Все, что у меня осталось: собака на заднем сиденье старой развалюхи, тридцать долларов на карте, свежие синяки под одеждой и наивная надежда затеряться в студенческом городке Бун. Но один слепой поворот, глухой удар о капот, и я оказалась на прицеле у трех мужчин. Сбитый парень выжил, и вместо того, что подавать заявление в полицию, он и двое его друзей предлагают мне сделку: поработать на них полгода в изолированном горном особняке. Если я откажусь — меня сдадут властям или вернут тому, от кого бежала. Их поместье забито краденными реликвиями, а сами они одержимы жаждой мести, которую, по их словам, я могу помочь удовлетворить. Хладнокровный Аттикус наводит на меня дуло пистолета и пристально следит. Утонченный Элайджа методично ломает границы дозволенного, разглядывая меня как трофей. А психопат Севен пускает в ход лезвие ножа и грубые ласки, заставляя забыть о морали. Я должна была стать для них просто инструментом в чужой вендетте. Но с каждым днем черта между пленом и одержимостью стирается — и я уже не знаю, кто из нас сойдет с ума первым. Дарк роман про героев-собственников, которые пойдут на все ради мести и попытки удержать сломленную Аврору, в которую никто из них не собирался влюбляться.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-256759-9

© Лосон Б., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Плейлист 7
Примечание авторов 8
1. Беги, детка, беги[1]. Аврора 9
2. Сделка в ночи. Аврора 15
3. Кто обидел тебя? Севен 17
4. Эй, а где благодарность? Севен 21
5. Проснуться в стране чудес. Аврора 24
6. Пятьдесят тысяч причин. Аврора 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Блейк Лосон, Елена Лосон
Белая роза, окрашенная алым

Elena Lawson
White Rose Painted Red

© 2026 Elena Lawson
© Юркалова К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Плейлист

RUNRUNRUN (Dutch Melrose)
No Mercy (Austin Giorgio)
Shadow (Livingston)
Sugar (Sleep Token)
Dizzy (MISSIO)
Control Freak (New Medicine)
Empty (Letdown)
Funeral (Neoni)
Here Come the Wolves (Lola Blanc)
God (Jake Daniels)
Breathe (Lo Spirit)
Jaws (Sleep Token)
Bottom Of The Deep Blue Sea (MISSIO)
Masterpiece (Sam Short)
Rule № 34 (Fish in a Birdcage)
Madhouse (Nessa Barrett)
Vicious (Bohnes)
Nail polish (Holywatr)
Surprise! (Livingston)
Trouble (Camylio)
Yes & no (XYLO)
River (Bishop Briggs)
APHRODITE (Ethan Gander)
Damn Those Eyes (Ashley Sienna)
Love Me Dead (Ludo)
Like You Mean It (Steven Rodriguez)
You Put a Spell on Me (Austin Giorgio)
The fruits (Paris Paloma)
Shameless (Camila Cabello)
Gravedigger (Livingston)
Angel (Camylio)
MONSTER (Chandler Leighton)
Siren (Kailee Morgue)
Cinderalla’s dead (EMELINE)
Kiss Me You Animal (Burn The Ballroom)
Go To War (NOTHING MORE)
Alkaline (Sleep Token)
Beautiful Crime (Tamer)

Примечание авторов

В повествовании фигурирует собака по кличке Элли. Спешим успокоить: на протяжении истории с ней не произойдет никаких трагических событий. Напротив, Элли окружена заботой и любовью всех мужских персонажей, в том числе и того, кто изначально утверждает, что не любит собак. Следует отметить, что в прошлом Элли пережила неприятный опыт – об этом дается лишь краткое упоминание, а человек, причастный к случившемуся, несет заслуженное наказание.

Надеемся, это вас успокоило.

Ниже представлен полный перечень предупреждений о сценах, способных вызвать дискомфорт у читателя:

нападение, переживание горя, применение огнестрельного оружия, убийство, психические расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), употребление алкоголя, уход из семьи одного из родителей, откровенные сексуальные сцены. Также упоминаются в прошлом/за кадром тяжелая болезнь или смерть родителей, домашнее насилие, похищение, пытки.

1. Беги, детка, беги[1]. Аврора

Дворники машины стучат, едва поспевая за потоками проливного дождя и вторя пульсирующей боли в моем виске.

С пассажирского сиденья раздается жалобный скулеж, и я смотрю в зеркало заднего вида на мою аусси, чьи разноцветные глаза – голубой и карий – с упреком следят за струями дождя, проникающими в салон.

Стекло пассажирской двери в этой развалюхе уже давно не поднимается, но останавливаться нам нельзя. По крайней мере сейчас.

– Все в порядке, Элли, – успокаиваю я. – У нас все будет хорошо.

Касаюсь дрожащей рукой щеки и морщусь, когда пальцы находят свежий порез.

– Все наладится.

Теперь, когда действие адреналина прошло и он больше не заглушает боль, я отчетливо ощущаю каждую точку на теле, к которому прикасался этот ублюдок. Жжет на щеке. Ноет в ребрах, будто что-то грызет изнутри. Тяжесть при каждом глотке.

Прерывисто вздохнув, я включаю Alkaline[2] группы Sleep Token, и знакомые, успокаивающие аккорды наполняют салон машины, но едва ли они помогают унять вихрь мыслей в голове.

На этих извилистых горных дорогах я ни черта не вижу – освещения здесь нет вообще никакого, а лобовое стекло сплошь залито дождем. В любой другой вечер я бы уже давно заглушила двигатель, но мне придется ехать дальше. Чем больше километров нас разделят с Джесси, тем безопаснее.

Справа из мрака выныривают зубчатые скалы, и я вцепляюсь в руль мертвой хваткой, отчаянно пытаясь не съехать с полосы – ее почти не разглядеть на мокрой дороге.

Коротко бросаю взгляд на сидящую сзади Элли. Сегодня я едва ее не потеряла, но этого больше не повторится. Даже не представляю, что со мной стало бы…

И тут же ловлю себя на лжи.

Сглатываю ком в горле, прогоняя дурные мысли, пока они не успели впиться в сознание острыми когтями.

Мы вырвались. И это единственное, что имеет значение.

Я оборачиваюсь и протягиваю руку, чтобы погладить Элли.

– Это всего лишь дождь, милая. Скоро приедем в Буне.

В том студенческом городке, среди ровесников, мы запросто смешаемся с толпой. И ему будет куда сложнее нас отыскать.

Пытаюсь разобрать дорожный знак, мелькающий за окном, но названия мне ни о чем не говорят, а до ближайшего населенного пункта еще добрых шестьдесят миль[3].

– По крайней мере, надеюсь, – бормочу я, крепче сжимая руль и чуть приподнимаясь на сиденье – так лучше видно дорогу.

Из-за разбушевавшейся непогоды GPS на телефоне барахлит, и черт его знает, тот ли съезд я выбрала пару миль назад. А вдруг мы возвращаемся той же дорогой? По спине пробегает неприятный холодок. Вокруг уже давно ни души, а дорога с каждой милей сужается.

К тому же мобильная связь становится все паршивее и паршивее.

---

[1] Run Baby Run («Беги, детка, беги») – песня американской певицы и автора песен Шерил Кроу (Sheryl Crow) с ее первого альбома Tuesday Night Music Club (1993), выпущенного A&M Records в сентябре 1993 года в качестве ее дебютного сингла.

[2] Alkaline – популярный сингл 2021 года от британской альтернативной рок-группы, сочетающий атмосферный инди-поп и метал. Текст песни метафорически обыгрывает химию отношений и шкалу pH.

[3] Около 96 километров.

А не прогадала ли я, направившись в горы Блу-Ридж, а не в Шарлотт? Там живут все мои друзья, но из-за этого мерзавца мы не общались больше года. Да и Шарлотт он первым делом обыщет, если возьмется меня искать.

А про дом родителей и думать нечего.

Пока я вписываюсь в очередной крутой вираж, Элли тычется носом мне в руку сзади и норовит снова перелезть на переднее сиденье.

– Элли, оставайся на месте.

Поворачиваюсь и аккуратно, зная, что она просто пытается помочь, толкаю ее обратно на заднее сиденье. Она всегда чувствует, когда я на пределе.

Ограждения, за которыми начинался крутой обрыв, сменяются густой лесной чащей справа. Я облегченно вздыхаю и позволяю себе чуть расслабиться, пока одна песня в плейлисте плавно перетекает в другую. В тот момент, когда звучат первые аккорды Shelter[4], шум ливня стихает под сенью высоких раскидистых деревьев. Губы невольно растягиваются в легкой усмешке – какое удачное совпадение.

– Видишь, Элли? Фортуна на нашей стороне.

Элли отрывисто лает, предупреждая об опасности, когда мы огибаем крутой поворот. Фары выхватывают из темноты что-то огромное и темное прямо на дороге.

О господи. Посреди полосы стоит человек!

– Проклятье! – выкрикиваю я и жму на тормоза. Но с этими лысыми покрышками и на таком скользком асфальте машину не удержать – мы несемся прямо на этого огромного кретина.

Его голова резко поворачивается в мою сторону, пронзительный взгляд широко распахнутых глаз на мгновение мелькает в свете фар.

Нет. Только не это. Нет.

– С дороги! – ору я, вжимая педаль тормоза в пол с такой силой, что чудом не пробиваю насквозь проржавевшее днище машины.

Из груди вырывается крик: его тело с отвратительным глухим стуком ударяется о капот, яростно впечатывается в лобовое стекло и, кувыркаясь, перелетает через крышу – трещат стекла, металл сминается под тяжестью мужчины.

В зеркале заднего вида я наблюдаю, как его тень безжизненной грудой падает на асфальт, и волна тошнотворного ужаса скручивает желудок в узел.

Лай Элли резко возвращает меня к реальности, и я снова сосредотачиваюсь на дороге.

В горле встает плотный ком, не давая вырваться крику, – вот оно, неизбежное продолжение кошмара.

– Твою ж мать!

Руки так и норовят вцепиться в руль мертвой хваткой, но я усилием воли вытягиваю правую, чтобы прикрыть Элли и смягчить для нее удар, уже внутренне готовясь ко второму столкновению.

Капот машины с грохотом врезается в багажник гладкого черного автомобиля, припаркованного у обочины. Меня рывком швыряет вперед. Мгновенно срабатывают подушки безопасности, с такой силой вдавливая меня в сиденье, что перехватывает дыхание, а в ушах стоит пронзительный звон.

С трудом разлепляя глаза, я стараюсь не обращать внимания на адское жжение в открывшейся ране на щеке и на глубокую, пронизывающую до самых костей боль в предплечье. Трясущимися, будто онемевшими руками отпихиваю сдувшуюся подушку. Имя Элли готово сорваться с губ, но я лишь беззвучно хватаю ртом воздух.

[4] Трек Shelter («Убежище») вышел у группы Sleep Token 20 июня 2020 г.

Наконец – какое облегчение! – я судорожно вдыхаю, и легкие наполняются едким дымом выхлопа и запахом раскаленного металла. Кашляю, резко поворачиваюсь и наощупь протягиваю руку назад:

– Элли?..

Она, пошатываясь, поднимается с пола на сиденье, начинает метаться в тесном пространстве и жалобно поскуливать. Я глажу ее по серому в крапинку меху. Вроде бы ничего не сломано, крови не видно. Просто сильно напугана.

Она жива. С ней все *хорошо*.

Пульс постепенно выравнивается, а я мысленно благодарю всех богов, готовых меня услышать: они спасли мою Элли дважды за эту ночь.

Элли тычется холодным носом в ладонь и принюхивается, проверяя, не пострадала ли я.

– Я цела, Элли.

По крайней мере, мне так кажется.

Глаза щиплет, но сквозь клубы пара, поднимающиеся от двигателя, я различаю черный Dodge Charger с развороченным в хлам багажником.

О господи…

Резко перевожу взгляд на боковое зеркало, всматриваясь в темную дорогу позади.

Тот человек!

Неуклюже нащупываю дверную ручку, чтобы выбраться из машины. От ледяного дождя волосы и одежда моментально промокают до нитки.

– Элли, оставайся *здесь*.

Моргаю, напряженно щурясь в тусклом свете красных задних фонарей, в попытке разглядеть…

Есть. Вот он.

Горло мгновенно сжимается, когда я вижу темный силуэт в двадцати футах[5] от себя.

Раздается стон мужчины, и у меня на глаза наворачиваются слезы облегчения.

Слава богу, *он жив.*

– Не двигайся, – выкрикиваю я, спеша к нему на трясущихся ногах. – Возможно, у тебя сломана спина или шея. Черт. Мне очень-очень жаль. Я не справилась с управлением.

Дождь понемногу стихает. Я опускаюсь на колени рядом с ним в драных джинсах на мокрый асфальт. Темные волосы незнакомца прилипли ко лбу и закрывают левый глаз. Дрожащими пальцами я осторожно убираю прядь с его лица.

Голова безвольно падает набок.

Только не умирай. Только не умирай.

У меня перехватывает дыхание, когда его голубые глаза вдруг распахиваются и впиваются в меня, будто кто-то ударил под ребра, выбив весь воздух из легких.

Из глубокой ссадины на лбу сочится ровная струйка крови – скользит по острой, будто заточенной линии челюсти, прокладывает алую дорожку по татуированной шее и собирается лужицей у воротника потрепанной кожаной куртки.

«Раны на голове всегда сильно кровоточат», – убеждаю я себя.

Ничего страшного. Все не так страшно, как кажется.

Он скалит зубы, напрягается всем телом и пытается сесть.

– Не шевелись, – повторяю я на случай, если он не расслышал в первый раз.

Он качает головой, и только теперь я замечаю множество татуировок на его коже. Они тянутся от висков и огибают голову, словно черная греческая корона, проступающая сквозь коротко стриженные волосы по бокам.

[5] Около 6 метров.

Раздается влажный кашель. Я отрываю глаза от этих замысловатых чернильных завитков и скольжу взглядом от проколотого носа к его губам – лишь бы не кровь.

Они разбиты, из уголка сочится кровь, но видимых тяжелых травм нет. Мужчина кривит губы в едкой усмешке и, напрягшись, наконец-то садится.

– *Надо подумать*, – тихо бормочу я, скорее самой себе.

И что мне теперь делать?

На мгновение меня посещает безумная мысль: может, проще прямо сейчас броситься с обрыва? Или все-таки дождаться, пока придет помощь?

Страховки у меня нет, а это значит, я в полной заднице.

Дыхание срывается, грудь сдавило так, что воздух, который я судорожно втягиваю, будто застревает на полпути, от чего голова идет кругом. Делаю глубокий вдох, пытаясь унять эту давящую боль в груди.

Крепко зажмуриваюсь, изо всех сил стараясь утихомирить вихрь мыслей, и наконец вижу то, что сейчас действительно имеет значение.

Он ранен.

Я лихорадочно шарю по карманам джинсов в поисках телефона и вдруг вспоминаю: он остался в машине.

– Проклятье. Мне нужно вызвать «Скорую».

Но не успеваю я подняться, как он резко хватает меня за запястье, вынуждая снова осесть на землю.

– Нет, – рычит он сквозь кашель. – Успокойся, ради бога.

– Севен, что тут творится? – глубокий баритон разносится эхом среди скал. У меня замирает сердце, когда из-за леса, будто темные призраки, выходят двое мужчин.

Они быстро обегают помятую машину. Я кое-как вскакиваю, пока они надвигаются на меня.

– Простите, – торопливо начинаю я. – Клянусь, я не собиралась его сбивать. Я пыталась затормозить, а он внезапно…

Не дав мне закончить, здоровяк стремительно проносится мимо, задевая меня плечом с такой силой, что я едва не плюхаюсь на задницу. Стискиваю зубы, но молчу, наблюдая, как незнакомцы опускаются на колени возле того, кого зовут Севеном.

Мужчина поменьше тянется осмотреть рану на его лбу, но Севен с нескрываемым раздражением отводит его руку в сторону – между бровей залегает глубокая морщина.

– Элайджа, я цел.

Здоровяк не обращает внимания на его возражения: рывком оттягивает воротник куртки и внимательно ощупывает Севена, проверяя, нет ли других травм.

– Тебя, черт побери, сбила машина, Сев.

– Я же сказал, со мной все в порядке, Аттикус, – рявкает Севен и отталкивает его, но резкое движение вызывает приступ боли – он тихо ругается и сгибается, хватаясь за бок. В лунном свете поблескивают серебряные кольца на его пальцах, покрытых татуировками. – Всего лишь ушиб.

Взгляд его голубых глаз перемещается на меня. Я сглатываю, зубы уже начинают выбивать дробь. Пронизывающий холод впивается в кости, еще сильнее обостряя тот леденящий страх, что поселился глубоко в животе.

Аттикус вскакивает на ноги и оборачивается, возвышаясь надо мной, его темные глаза сужаются до щелок.

– Да что с тобой не так? – произносит он с нескрываемым гневом.

Я закусываю губу, подавляя желание обхватить себя руками, сжаться от страха.

– Это правда был несчастный случай. Дорога такая… такая скользкая, а он стоял прямо на середине поло…

Мужчина резко подходит вплотную, и я замолкаю на полуслове, когда он сгибает свое двухметровое тело и почти шипит мне в лицо:

– Ты пила?

– Что? *Нет*, нет, я не пила. Я же сказала, я просто не увидела его…

– Отстань от нее, Аттикус, – вмешивается Севен, отряхивая грязь с куртки. – Она пыталась свернуть в сторону. Ей еще повезло, что не вписалась в дерево. И я, черт возьми, *цел*, чего не скажешь о тачке.

Аттикус разочарованно рычит и, повернувшись, идет осматривать машины.

Мой древний «Форд Фокус» – зрелище не для слабонервных: синий капот всмятку, а двигатель до сих пор испускает клубы пара. Вряд ли он теперь заведется, да и машина, кажется, восстановлению не подлежит.

Из динамиков по-прежнему звучит Sleep Token, заполняя собой ночную тишину.

«Хотя бы аудиосистема не подвела», – с горькой иронией думаю я.

Аттикус проводит ладонью по аккуратно подстриженной бороде, обрамляющей его волевой подбородок. Я замечаю, что костяшки его пальцев испачканы кровью и грязью – наверняка остались после того, как он осматривал друга на предмет травм.

– Все не так страшно, – мягко произносит Элайджа, явно стараясь успокоить своего друга. Бросив короткий взгляд в мою сторону, он протягивает руку Севену. Тот опирается на нее и с усилием поднимается на ноги.

Элайджа отбрасывает с лица влажные темные кудри, размазывая по лбу рыжеватую грязь.

– Ты как?

До меня не сразу доходит, что этот вопрос был адресован мне. Я моргаю, быстро оценивая свое состояние. Шея невыносимо затекла, в груди и на предплечье пульсирует жгучая боль, в висках зарождается тупой гул, но в целом, кажется, обошлось.

– Кажется, я цела.

– Это твое? – спрашивает Аттикус, обращая на меня пылающий взгляд и кивком указывая на что-то, выделяющееся на темном асфальте.

– *Проклятье*, – вырывается у меня, и плечи бессильно опускаются. Я вижу свой бюстгальтер, футболку с логотипом группы, пару носков, разбросанных в стороне, и… о боже, *вибратор*. Насквозь промокшие и перепачканные вещи тянутся дорожкой к обочине, где лежит мой дешевый чемодан, опрокинутый набок, а остальное содержимое бесформенной кучей валяется в грязи. Видимо, его выбросило через разбитое окно со стороны пассажира в момент столкновения.

Мне хочется то ли заорать от гнева, то ли разрыдаться. Но я лишь запрокидываю голову к небу и тяжело вздыхаю. Ну, разумеется.

Именно это, черт возьми, и должно было случиться.

Еле волоча ноги, я подхожу к вещам и, стиснув зубы, торопливо подбираю их с дороги; глаза щиплет от сдерживаемых слез. Какой позор.

Запихиваю все в чемодан и пытаюсь застегнуть молнию, но тщетно – она тут же расходится с противоположной стороны. «Да и черт с ним» – решаю я, хватаю этот проклятый чемодан и со злостью швыряю на пассажирское сиденье. С языка невольно срывается короткое ругательство.

Один из парней что-то бормочет другому, и я на одну спасительную секунду закрываю глаза, притворяясь, что они не видели, как я только что засовывала в чемодан восемь пар насквозь промокших трусиков.

Мужчина, которому следовало бы уже направляться в больницу, приподнимает брови и склоняет голову набок, словно не зная, что со мной делать дальше.

Оглядывая их, застывших в ночной темноте, я вдруг отчетливо понимаю: не нужно было поворачиваться к ним спиной. Я совершенно одна. Тревога за сбитого незнакомца и вероятная встреча с полицией настолько поглотили меня, что я напрочь забыла о возможной опасности.

Аттикус решительно сокращает между нами расстояние, и я отступаю к машине. К Элли. Собака громко лает с заднего сиденья, прижимая нос к стеклу. Пусть она меня всегда слушает, но, если этот человек подойдет еще ближе, даже мой строгий приказ оставаться в машине не удержит ее от того, чтобы броситься на мою защиту.

Он быстро отбрасывает с лица несколько прядей, выбившихся из намокшего пучка светло-русых волос. Короткая борода, внушительный рост и резкие скандинавские черты делают его похожим на древнего бога викингов. Но не того, кто благоволит шутникам и веселью. Определенно нет. Он напоминает грозного воина, совершающего набеги.

Опасного.

Выражение его лица меняется: в прищуренных карих глазах вспыхивает проблеск узнавания, когда он изучает рану на моей щеке, а затем переводит взгляд на шею. Я скрещиваю руки на груди и вцепляюсь в локти, будто возвожу барьеры. Порез и синяки вполне могли остаться после аварии, так что их бессмысленно прятать.

Кроме того, я устала прикрывать Джесси.

– На что ты смотришь?

Челюсть напрягается, когда он наклоняет голову, а взгляд становится настолько пронзительным, что, кажется, будто меня изучают под микроскопом.

– И что прикажешь нам с тобой делать?

2. Сделка в ночи. Аврора

– У меня нет страховки, – торопливо объясняю я, до боли прикусив щеку, и во рту разливается металлический привкус. – И мало наличных, чтобы возместить вам ущерб.

О боже, я в *полной* заднице.

Слезы обжигают глаза, когда я наконец осознаю, во что вляпалась, и на этот раз сдержать их не получается. Подняв руку, я расстегиваю цепочку из белого золота и протягиваю ее на раскрытой ладони. Это единственная более или менее ценная вещь, что у меня осталась.

– Ее наверняка хватит на ремонт машины. Возьми.

Аттикус не обращает внимания на мое предложение: рука так и висит в воздухе, пока я не опускаю ее.

Он коротко переглядывается с друзьями через плечо, обмениваясь безмолвным сообщением, а затем вновь фокусирует взгляд на мне. Они подходят ближе и встают рядом, образуя внушительную стену из мускулистых фигур в темной одежде и отрезая мне все пути к отступлению.

– Ты когда-нибудь работала уборщицей? – интересуется Аттикус.

Мои брови сходятся на переносице.

– Мы ищем домработницу. Зарплата хорошая, но желающих немного: мы живем довольно далеко от города.

Я не ослышалась?

– К тому же предоставляется жилье, – добавляет он невозмутимо, словно речь идет о чем-то само собой разумеющемся. Двое его спутников по-прежнему хранят молчание.

– Ты предлагаешь мне работу? После того как я сбила твоего друга и разбила машину?

Ситуация кажется совершенно абсурдной – так работу мне еще никто и никогда не предлагал. Но если задуматься, год уборки за Джесси – это, по сути, десятилетний стаж в сфере домашнего хозяйства. А работа сейчас мне *крайне* необходима.

И крыша над головой.

Помимо Элли и небольшого чемодана, набитого потрепанной одеждой, у меня больше ничего нет.

До этой аварии у нас, по крайней мере, имелась машина, в которой можно было переночевать, пока я не отыщу более надежное убежище. Но теперь она не подлежит восстановлению, а лишних средств на покупку другой у меня нет.

Назвать мою ситуацию отчаянной? Да это еще мягко сказано, черт возьми.

Аттикус с явным нетерпением приподнимает брови:

– Так ты согласна на эту работу или нет?

– Я…

Я перевожу взгляд с одного мужчины на другого, внимательно их оцениваю и нервно сглатываю. Они не похожи на обычных парней лет двадцати с небольшим. Высокие, мускулистые и выглядят так, будто Вселенная уже оскалила перед ними свои острые зубы.

Я знаю, как вести себя с опасными мужчинами, потому что всю свою чертову жизнь только этим и занимаюсь. Но я не стану выбираться из одной выгребной ямы лишь для того, чтобы тут же нырнуть в другую. Не в этот раз. Теперь у меня есть о ком заботиться. Элли заслуживает настоящего дома. *Безопасного* дома.

– Или вызовем копов. Выбор за тобой, – замечает Аттикус и пожимает плечами, словно не он только что загнал меня в угол, лишив возможности отказаться.

В груди сдавливает, дышать становится тяжело, пока я тщетно пытаюсь взвесить все варианты. Ни один не годится. Что ж, ничего нового. Этим вечером я бежала, не успев выстро-

ить какого-либо долгосрочного плана: единственное, чего я желала, – это как можно дальше убраться от Джесси.

Из машины доносится громкий лай Элли, мгновенно привлекая наше внимание. С глухим рычанием она выпрыгивает со стороны водительского сиденья и, опустив голову, обходит машину, явно чувствуя мое волнение.

– Элли, нельзя!

Севен наклоняется, чтобы погладить Элли, и я уже готова окликнуть его, но в этот момент раздается его тихий смех, когда она принимается обнюхивать протянутую руку.

На лице Севена расцветает искренняя улыбка, и готовый сорваться с губ упрек глохнет у меня в глотке, когда Элли лижет его пальцы, а он, чуть поморщившись, приседает на корточки и чешет ее под подбородком.

– А кто это у нас здесь? Как тебя зовут, малышка?

Его «малышка» будто ударяет меня под дых, и я изо всех сил стараюсь скрыть удивление.

К моему изумлению, Элли радостно поскуливает и с удовольствием льнет к его ладони.

– Я думала, она ненавидит мужчин, – шепчу я, наблюдая, как она подходит к оставшимся парням и обнюхивает их поочередно, высунув язык.

От этой картины сердце наполняется теплом, и напряжение понемногу отпускает меня. Элли терпеть не могла Джесси и его приятелей. И не без причины: таких *мерзавцев* еще поискать надо.

Элли возвращается и усаживается между Севеном и Элайджей, водя хвостом по мокрому асфальту. Она смотрит на меня с невозмутимым видом. Я наклоняю голову в немом вопросе, и Элли звонко лает, как и всегда, когда просит моего внимания. Возможно, это самое безрассудное решение в моей жизни, но горькая правда в том, что другого пути у меня нет.

Я сжимаю цепочку в ладони и опускаюсь на одно колено, подзывая Элли. Она тут же подбегает ко мне и тычется мордой в грудь.

– Надеюсь, моя девочка, ты не ошибаешься, – шепчу я, уткнувшись в ее влажную шерсть, а затем поднимаю глаза на Аттикуса: – А у вас есть какие-то правила насчет питомцев?

– Она дрессированная?

– Лучше, чем многие мужчины, – невольно вырывается у меня, и я тут же осекаюсь, плотно сжимая губы и задерживая дыхание. *Проклятье.*

Однако от меня не ускользает легкая усмешка, промелькнувшая на лице Аттикуса, которая тут же исчезает. Мужчина демонстративно прокашливается, пытаясь скрыть едва сдерживаемое веселье.

– Что ж, вы приняты на работу, мисс?..

– Белльроуз. Аврора Белльроуз.

3. Кто обидел тебя? Севен

Яркий свет фар выхватывает из темноты древние сосны, растущие вдоль гравийной подъездной дороги. Аттикус минует главные ворота, которые с лязгом закрываются за нами.

Каждая долбаная кочка болезненно отдается в моих поврежденных ребрах, но я проходил через такое, что обычным людям и не снилось.

В зеркале заднего вида ловлю взгляд Элая и замечаю, как расплывается усмешка на его лице. Качаю головой, ноздри сами собой раздуваются – мне прекрасно известно, о чем думает этот паршивец.

Он полагает, что у меня, словно у кошки, девять жизней. И если это правда, то у меня в запасе осталось еще несколько, прежде чем моя карта будет бита.

Аврора не раз предлагала мне отправиться в больницу, опасаясь внутреннего кровотечения. Но я-то хорошо знаю, как это бывает, и сейчас не чувствую, что нахожусь при смерти. Возможно, сломано одно или два ребра, но ничего серьезного: со временем все само заживет.

– Эта дорога не обозначена на карте, – раздается голос Авроры с заднего сиденья. В ее тоне я отчетливо слышу невысказанные вопросы.

Куда вы меня везете?

Что собираетесь со мной сделать?

В обычной ситуации у меня нашлись бы ответы, но сейчас я понятия не имею, что задумал Аттикус. Но знаю одно: еще каких-то пару часов назад никто не собирался искать домработницу. Аттикус настолько помешан на чистоте в нашем доме, что способен поддерживать безупречный порядок без напоминаний и угроз.

Оглянувшись через плечо, я чувствую, как жар волной поднимается по шее. Стискиваю зубы, превозмогая боль, и перевожу взгляд на девушку, сидящую сзади: ее лицо освещает свет экрана от мобильного телефона. Она водит пальцами по дисплею, приближая офлайн-карту.

Явно пытается определить, где мы находимся. Умная девочка.

Однако этот дом не значится ни в одной системе GPS, а координаты на пятьдесят миль[6] вокруг искажены благодаря глушителю сигналов, который Аттикус установил в прошлом году. Наши телефоны ловят связь, а у посторонних – нет.

Я уже открываю рот для зловещего ответа, но Аттикус опережает меня, оглашая простую и скучную правду.

– Это наша частная подъездная аллея.

Аврора приподнимается на сиденье, пытаясь разглядеть что-то вдали, но впереди по-прежнему простирается лишь темная, бесконечная лента асфальта. Так продлится еще около минуты.

– Мы ценим уединенность, – произношу я негромко и чуть усмехаюсь, заметив, что она не в силах выдержать мой взгляд дольше пары секунд и поспешно отводит глаза.

Девушка запускает пальцы в шерсть на загривке собаки и ласково ее поглаживает. Видно, что она пытается не столько успокоить животное, сколько унять собственную тревогу. Элли уже давно мирно дремлет, устроившись между Авророй и Элаем.

Забавное совпадение: я не раз говорил, что мечтаю о собаке, но Аттикус неизменно отвергал мою идею. Он буквально содрогался при одном упоминании, недовольно бормоча что-то о шерсти и грязных лапах. И вот теперь, разумеется, у него проснулась любовь к четвероногим.

Наверняка ему что-то нужно от этой девушки.

---

[6] Около 80 километров.

Даже сейчас, потрепанная, с синяками, мокрыми волосами и размазанной тушью, она сногсшибательно красива. Но я знаю Аттикуса слишком хорошо, чтобы поверить, будто он привез в наш дом женщину – да еще и с собакой, – чтобы склеить красотку.

Аврора вновь сосредотачивается на экране телефона, но в этот миг он гаснет, напоследок мигая значком батареи, и устройство отключается. Девушка сжимает телефон в руке и нервно сглатывает.

– У вас есть зарядка для теле… – начинает она, но обрывается на полуслове, когда мы подъезжаем ко двору перед нашим домиком.

Мы зовем его так из-за его деревенского вида – деревянный сруб и каменный фундамент, – но, увидев, как ее губы приоткрываются в восхищении, я осознаю: это все равно что назвать крупнокалиберную винтовку карманным пистолетом.

Часы Аттикуса синхронизируются с системой дома, и в окнах загорается свет, когда он паркует «одолженный» Dodge.

– Что за черт? – бормочет Аврора.

Элайджа усмехается, и она оборачивается к нему, удивленно моргая, словно только сейчас поняла, что произнесла это вслух.

Пока Аврора выбирается из автомобиля, Аттикус успевает достать из багажника ее изувеченный чемодан и захлопнуть крышку, не давая ей разглядеть его содержимое.

Я киваю на алое пятно в верхнем правом углу чемодана. Аттикус тут же стирает его рукавом.

– О, спасибо, – произносит Аврора и тянется забрать чемодан, но Аттикус, не останавливаясь, проходит мимо и бурчит: «Я сам».

Собака Авроры мчится за ним и, замерев у двери, издает короткий лай. Звук электронного замка, который активирует Элайджа, приложив палец к сканеру, заставляет девушку вздрогнуть. Однако как только дверь распахивается, она, словно зачарованная, следует за питомцем внутрь.

С порога ей открывается прекрасный вид на планировку домика.

Слева – просторный холл и гостиная в теплых тонах с высоким потолком, открытыми деревянными балками и панорамными окнами. Справа – столовая, которой мы никогда не пользуемся, а рядом – лестница в подвал.

Впереди возвышается главная лестница, ведущая к спальням на втором этаже. За ней начинается длинный коридор, уходящий вглубь дома через кухню и мимо кабинета Аттикуса, и заканчивающийся у дверей спортзала и гаража.

Собака цокает по паркету из красного дерева прямиком к мебели в гостиной. Внимательно обнюхивает низкие диваны и ковер, пока Аврора не окликает ее.

– Иди сюда, милая. Нужно вытереть твои лапы.

Аттикус удивленно вскидывает брови:

– Сев, будь добр, принеси ей тряпку. И, Элай, посмотри в шкафу на втором этаже чистые простыни для гостевой комнаты. А я принесу набор для наложения швов. – Аврора порывается остановить Аттикуса, но тот уже исчез из виду.

– Мой… чемодан, – бормочет она себе под нос, и тут до меня доходит: Аттикус по-прежнему держит в руках этот грязный чемодан. Наверняка он поместит его на карантин.

– Сейчас вернусь, – улыбается Элай Авроре и торопливо взбегает по лестнице. Я скорее ощущаю, нежели вижу, как ее глаза на мгновение задерживаются на мне, а затем переключаются на собаку. Аврора опускается на колени и старается успокоить питомца, видимо, чтобы хоть чем-то занять собственные руки.

Я спешу на кухню за тряпкой и, вернувшись, вижу, что она не сдвинулась с места.

– Как, ты сказала, ее зовут? – спрашиваю я уже второй раз, потому что задавал этот вопрос по дороге, но она так и не ответила. Аврора поднимает голову, и я с трудом сдерживаю

усмешку: черт возьми, до чего же она хороша, стоя на коленях. Высокие скулы окрашиваются румянцем, будто девушка безошибочно угадала ход моих мыслей.

– Ее зовут, *хм*, Одиннадцать, – отвечает она, забирая у меня тряпку, чтобы быстро вытереть лапы собаки, а затем распрямляется во весь рост.

– Зачем ты назвала ее числительным?

– Это имя из *«Очень странных дел»*[7]. Но чаще я зову ее просто Элли[8].

– Что это за «*Очень странные дела»*?

Девушка вскидывает на меня глаза, брови сходятся на переносице – вид у нее такой, будто она решила, что я из другого измерения.

– Ты никогда не слышал про *«Очень странные дела»?*

Моя ухмылка сходит на нет, когда взгляд цепляется за темный синяк на виске девушки. Он резко выделяется насыщенным фиолетовым оттенком на фоне ее оливковой кожи. А под ним, вдоль скулы, тянется тот самый порез, что я приметил раньше, но сейчас, при свете, становится ясно: это не случайная ссадина. Ее нанесли ножом. Слишком уж ровные края.

И линия чересчур прямая. Прежде чем я успеваю осознать, что творю, мои пальцы уже сжимают ее подбородок, разворачивая лицо к источнику света.

Девушка отшатывается, но я успеваю заметить синяки возле ключицы. На коже отчетливо видны следы пальцев с правой стороны.

– Кто тебя обидел?

Она отступает на полшага, губы изгибаются в фальшивой улыбке – явная попытка меня отвлечь.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – фыркает она.

Я насмешливо хмыкаю и указываю на следы на ее коже:

– У тебя на шее синяки в форме отпечатков чьих-то пальцев.

Вновь смотрю на следы и, кажется, я вижу, как пульсирует вена на ее шее. К тому же замечаю, насколько она чертовски худая, словно не ела нормально уже несколько недель.

Кто эта девушка? И кто, черт побери, глядя на такое лицо – на эти греховные губы и оленьи глаза, – решился поднять на нее руку?

Аврора качает головой, словно не верит, что я способен распознать следы удушения.

– Наверное, это произошло во время аварии. Возможно, из-за подушки безопасности или ремня… что-то вроде того.

– Угу, – бурчу я, позволяя ей скормить мне эту чушь. В глубине души я твердо знаю: жертва заговорит лишь тогда, когда сама решится на этот шаг.

Когда ее взгляд вновь встречается с моим, она замечает во мне нечто такое, что вынуждает ее на миг замереть.

Всего на удар сердца во мне вспыхивает надежда: может, сейчас она скажет правду? Назовет имя того, кого я должен стереть с лица земли ради нее?

Я терпеливо жду, невольно отмечая желто-коричневый ободок вокруг ее зрачков и россыпь золотистых крапинок в нефритовых глазах. Она первой прерывает зрительный контакт, и я мысленно киваю, одобряя ее выбор хранить молчание.

Справедливо.

Она ведь совершенно меня не знает.

Я ощупываю влажный край ее футболки с изображением Pink Floyd[9], наблюдая, как ее руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

---

[7] «Очень странные дела» – популярный американский научно-фантастический сериал от Netflix. В центре сюжета – подростки из небольшого городка, которые сталкиваются с паранормальными явлениями, правительственными экспериментами и монстрами из параллельного измерения.

[8] Eleven – одиннадцать (*англ.*).

[9] Pink Floyd – легендарная британская рок-группа, образованная в 1965 году в Лондоне.

– Ты вся промокла, – замечаю я, и на ее щеках мгновенно вспыхивает румянец. Усмехнувшись, я приподнимаю бровь и задумываюсь: а не пришли ли ей в голову те же грязные мысли, что и мне? – Я принесу тебе что-нибудь сухое, чтобы переодеться на ночь.

– Не стоит, мне вовсе не нужно, чтобы ты…

– Это был не вопрос.

– Я все нашел, – раздается голос Элая. Он спускается по лестнице и переводит взгляд с Авроры на меня. В его глазах читается вопрос, на который мы оба не находим ответа.

– Ты голодна? Хочешь пить? – интересуется Элай, и я оставляю его играть роль гостеприимного хозяина. Ребра и суставы ноют при каждом шаге по лестнице, ведущей в мою спальню.

Открываю дверцы гардероба, и автоматически включается свет, освещая ряды одежды: серые и черные вещи, джинсы темного оттенка и дорогие костюмы, некогда принадлежавшие отцу Элая. Из ящика центрального комода, где я держу спортивную одежду, вытаскиваю серые спортивные штаны со шнурками. Затянет шнурки потуже, и штаны удержатся на ее тонкой талии. К ним хватаю простую черную футболку, которая будет смотреться на ней почти как платье, но на первое время сойдет.

Иду в бывшую комнату отца Элайджи. Тот больше здесь не проживает, и, поскольку это единственная свободная спальня в доме, где есть нормальная кровать, я решаю, что именно ее Аттикус имел в виду под «гостевой комнатой». Как будто у нас вообще бывают гости.

Проходя мимо лестницы, я замечаю Элая, который поднимается с двумя серебряными мисками. Одна пустая, другая наполнена сухим кормом, вероятно, он нашел его в чемодане Авроры.

Похоже, он оставил девушку наверху, чтобы она могла устроиться в комнате, а сам тем временем достал корм из ее вещей.

– Давай я отнесу ей.

Элай задерживает на мне пристальный взгляд на долю секунды, но потом все же передает миски.

– Это для собаки, – уточняет он.

– Одиннадцать, – отвечаю я.

Он удивленно хмурит брови.

– Кличка собаки – Одиннадцать.

– Ты это серьезно?

– Да. А вместе мы – круглосуточный магазин[10].

Элай негромко фыркает от смеха, но, когда я уже собираюсь уходить, вдруг останавливает меня. Лицо его становится неожиданно серьезным.

– Ты видел синяки на ее шее?

– Видел.

Он понижает голос, будто она способна услышать нас с противоположного конца коридора.

– Они точно появились не из-за аварии.

– Ясно как день.

– Она говорила о том, откуда ехала или куда направлялась?

Я качаю головой и делаю шаг в сторону, собираясь идти.

– Но я собираюсь это выяснить.

– Эй, загляни в гараж. Нужно зашить твои раны, – доносится до меня голос Элая. Я на ходу машу мисками, показывая, что услышал его.

Это подождет. Сейчас есть дела поважнее.

---

[10] Здесь подразумевается знаменитая сеть минимаркетов 7-Eleven, где цифра 7 по-английски будет Seven (Севен), как имя главного героя.

4. Эй, а где благодарность? Севен

Я стучу костяшкой пальца и локтем толкаю дверь в бывшую комнату Джулиана.

На миг меня посещает тревожная мысль: а вдруг девушка не купилась на такое несвойственное Аттикусу гостеприимство и просто сбежала? Комната пуста. Застеленная кровать никем не тронута. Никаких признаков ее присутствия.

Но тут в смежной ванной включается вода, и я слышу, как за дверью шаркают ноги и лапы.

Дверь слегка приоткрыта, и я распахиваю ее шире носком ботинка.

Девушка вынимает мелкие осколки стекла из волос, поджимая губы. Одиннадцать первой замечает меня, садится и начинает размахивать хвостом по белому мраморному кафелю.

Звук отвлекает Аврору, и она вздрагивает, поймав в зеркале мой взгляд.

– Это для собаки, – поясняю я и захожу в просторную ванную комнату, вынуждая девушку отступить. Наклонившись над раковиной, я наполняю пустую миску водой и ставлю ее на пол рядом с кормом.

Одиннадцать жадно бросается к еде и воде, будто она не видела ни того ни другого уже несколько дней. И тут меня пронзает страшная догадка: а что, если тот ублюдок поднял руку не только на девушку, но издевался и над собакой? Кровь моментально вскипает в жилах.

Я откашливаюсь:

– А это для тебя, – говорю я, протягивая одежду, которую держал под мышкой.

– Хорошо, спасибо.

Одиннадцать энергично виляет хвостом и на мгновение отрывается от миски, чтобы благодарно лизнуть меня, после чего снова принимается за еду. Замечаю, как напрягается челюсть Авроры, а в глазах появляется влажный блеск – она с радостью наблюдает, как ее собака наконец-то ест и пьет вдоволь.

Раздается стук в дверь, и Аврора смотрит поверх моего плеча – туда, где стоит Аттикус. Когда наши взгляды встречаются в зеркале, я вижу, как у него дергается мышца на скуле, а лицо хмурится. Аттикус терпеть не может, когда его заставляют ждать.

– Нам нужно подлатать тебя, Сев.

Он обращается к Авроре:

– Когда немного освоишься, Элай и тебя подлатает. От парадного входа идешь через гостиную, мимо библиотеки. Его комната в самом конце коридора.

Она качает головой:

– Э-э, не нужно, все в порядке. Со мной все будет хорошо, у меня даже не идет кровь.

Аттикус приподнимает бровь:

– Этот порез необходимо зашить. Если ничего не делать, останется уродливый шрам.

Она отвечает Аттикусу вежливым кивком, но я сомневаюсь, что девушка решится обратиться к Элаю за помощью.

Ничего страшного. Можно сделать это утром.

Я тяжело опускаю руку на плечо Аттикуса:

– Пошли. Аврора слишком тактична, чтобы послать нас к черту.

– Нет, я…

– Не переживай. – Я подмигиваю ей, решительно выталкивая Аттикуса за дверь. – Я тебя прикрою.

Аттикус недовольно бормочет что-то себе под нос по пути к гаражу.

Когда мы входим, мой взгляд сразу падает на верстак, где уже лежит раскрытая большая аптечка.

Прислонившись к шкафчику с инструментами и скрестив руки, Элайджа наблюдает, как мы закрываем дверь.

– Какая муха тебя укусила, Аттикус? Разве нам нужна еще одна домработница?

Я направляюсь к раковине – нужно хотя бы частично смыть грязь, чтобы Элай смог наложить швы.

– И с каких пор ты вдруг согласился держать собаку в доме?

Аттикус извлекает из аптечки антисептический спрей и подготавливает остальные принадлежности для Элая, чтобы тот меньше задействовал правую руку.

– Ни с каких. Я по-прежнему против.

Я тщательно смываю грязь. Ледяная вода и жжение в полученных ранах приводят меня в чувство. После того как они меня подлатают, уснуть точно не удастся.

– Ладно, тогда я спрошу прямо. – Я отряхиваю руки от воды и усаживаюсь на стул. – Зачем ты позволил ей остаться? Ты же терпеть не можешь, когда кто-то другой убирается вместо тебя. И мы оба это знаем.

Он напряженно сжимает челюсти.

– Я пока обдумываю это.

– Что ты обдумываешь? Как перестать быть чистоплюем?

– Нет, дело не в этом. Тут кое-что другое… – Он умолкает на мгновение. – Я пока не уверен, получится ли. Просто доверься мне. Мы можем найти ей применение.

Использовать ее?

Для чего?

В голове всплывают несколько вариантов, но я тут же их отметаю, вряд ли мои предположения имеют что-то общее с далекоидущими планами Аттикуса.

– Думаешь, она догадывается, чем мы занимались там, снаружи?

– Да ты прям мастер переводить тему разговора. Браво.

– У нас были перепачканы руки в крови, – подхватывает Элай, заглатывая наживку. – И могильной земле.

Впрочем, он прав. Всю нашу одежду придется сжечь. Кроме моей куртки. Пусть она уже и превратилась в чашку Петри с чужой ДНК, по которой меня можно обвинить как минимум в шести преступлениях, но я лучше умру в ней.

– Если бы девушка что-то заподозрила, то не поехала бы с нами. Она толком вас и не видела, пока вы не подошли отдирать меня от асфальта. Возможно, она заметила кровь и решила, что это моя.

Элай тяжело вздыхает и потирает лоб. На тыльной стороне его правой ладони – россыпь старых шрамов. Безымянный палец чуть искривлен влево, и это уже не исправить. Каждый раз, глядя на следы того, через что Элаю пришлось пройти ради возвращения к нам, я осознаю: нам предстоит еще куча работы.

На моей куртке появится еще немало чужой ДНК.

И у нас нет лишнего времени, чтобы тратить его на девчонку, которую Аттикус счел «потенциально полезной».

Он бросает на меня взгляд, в нахмуренных бровях читается раздражение:

– Тебе обязательно было стрелять в того парня, Сев?

Что за идиотский вопрос.

– Конечно, обязательно.

Я откидываю волосы с лица, когда Элайджа подходит с куском марли, смоченным в спирте, и молча готовится наблюдать за нашей перепалкой с Аттикусом.

– Большинство, кто угрожает моей семье, не получают даже такого предупреждения.

Эх, если бы не мой выстрел, остальные не бросились бы врассыпную. Единственное, что гложет меня, – тот ублюдок умер в багажнике через каких-то пять минут после того, как мы

его туда засунули. Мы даже не успели толком его допросить. Виной тому – моя усталость, да еще пуля угодила в бедренную артерию.

Аттикус качает головой:

– Можно было стрелять не на поражение. В колено, в ногу, в плечо в конце концов.

– Извини, что в первую очередь думал о том, как спасти ваши шкуры. Когда он приставил пистолет к твоей голове, у меня не было времени выбирать место для несмертельного выстрела.

Он впивается в меня взглядом:

– Говори тише. Она может нас услышать. И сядь, Элай зашьет твою рану.

Только теперь я осознаю, что невольно поднялся на ноги. Опускаюсь обратно и, прислонившись к верстаку, стискиваю зубы: Элай начинает промокать рану на голове марлей, и жжение становится почти невыносимым.

Вечно разговор сводится к одному и тому же: *«Сев, ну зачем было его убивать? Сев, тебе действительно нужно было стрелять в него девять раз? Сев, а обязательно было его парализовать?»*

Когда я уже дождусь хотя бы капли благодарности?

Аттикус зажимает переносицу и тяжело вздыхает:

– Ладно, это уже не имеет значения. Что сделано, то сделано.

– Надо протереть машину и избавиться от нее, – произношу я, и в моем голосе невольно звучит едкая нотка.

Аттикус распускает пучок, и влажные, отливающие золотом и медью волосы рассыпаются по плечам.

– Да, я займусь этим. Если девушка спросит, ответим, что машину отправили в ремонт.

Он проводит ладонью по лицу, и становится ясно, насколько он изможден.

– Элай, я пообещал ей, что ты поможешь обработать раны, как только она смоет грязь. Она может заглянуть к тебе в комнату – возьми с собой аптечку.

С этими словами Аттикус уходит.

– Она не придет, – добавляю я, после того как за Аттикусом закрывается дверь. – Отдохни немного. Завтра посмотрим, согласится ли она на твою помощь.

Элай кивает, его взгляд темнеет, пока он извлекает из аптечки хирургическую иглу с загнутым кончиком и вдевает в нее нить.

– Готов?

Он протягивает мне пузырек виски – один из тех, что мы храним в ящике на крайний случай. Я откручиваю крышку и выпиваю содержимое одним глотком. Бутылка летит в мусорку с глухим стуком.

– Шутишь? Мы подошли как раз к моей любимой части.

5. Проснуться в стране чудес. Аврора

Я собиралась зайти к Элайдже. Правда собиралась. И вовсе не для того, чтобы он занялся моими ранами.

Из всех троих он показался мне самым спокойным и не таким пугающим, поэтому я и решила именно у него одолжить зарядку для телефона. Но стоило «на секундочку» присесть на кровать в шелковой футболке Севена и свободных спортивных штанах, как это обернулось минимум пятью часами беспробудного сна.

Бессмысленно пытаться определить время без телефона, но по свету, проникающему в комнату, я догадываюсь: солнце только-только взошло. Дом погружен в тишину, лишь изредка ее нарушает Элли: она тихохонько поскуливает, напоминая, что пора на улицу, и скребется в дверь.

– Дай мне минуту, Элли, – бормочу я, жестом прошу ее отойти от двери, выбираюсь из уютной постели и ступаю босыми ногами по полу.

Бесшумно повернув дверную ручку, я выглядываю в коридор. Темно, и, похоже, поблизости никого нет.

– Хорошо, путь свободен.

Замираю на пороге, собираясь выпустить Элли на улицу, но взгляд цепляется за корзину для белья, стоящую слева от двери.

Это моя рубашка?

Вытаскиваю из кучи лоскут старой черной ткани и всматриваюсь в выцветший рисунок на груди с танцующими скелетами.

Да, это точно моя.

Перебираю сложенную одежду и понимаю: корзина полностью заполнена моими вещами. Все свежевыстиранное, высушенное и разложенное в аккуратные стопки. И… неужели это…

Мой зарядник.

Хватаю корзину и заношу ее в комнату. Пальцы тянутся к зарядному устройству. Торопливо подключаю его к розетке за прикроватной тумбочкой. Сажусь на край кровати, подсоединяю кабель к телефону и замираю в ожидании.

Экран на мгновение загорается, показывая красный значок батареи, и снова гаснет.

– Ну же, давай, – бормочу я, непроизвольно покачивая ногой.

Элли издает жалобный скулеж и недовольное рычание: она явно раздражена тем, что я снова уселась на кровать.

– Хорошо, хорошо, – со вздохом соглашаюсь я. – Только дай мне переодеться.

В действительности все, чего мне сейчас хочется, – это найти свое местоположение на карте. Я совершенно не представляю, как далеко отъехала от Амхерста прошлой ночью и куда эти люди меня привезли.

Элайджа. Аттикус. Севен. Мысленно повторяю их имена. Запоминать имена мне всегда давалось с трудом, а обидеть этих мускулистых, покрытых замысловатыми татуировками и откровенно пугающих мужчин было бы крайне неосмотрительно.

Элайджа показался мне самым спокойным из их компании. Можно сказать, добрым. Скорее всего, именно он позаботился о моей одежде.

Аттикус. Вот за кем придется внимательно наблюдать. Он вспыльчив, и его терпение может иссякнуть в любой момент. С ним нужно держать ухо востро.

И Севен…

Он одновременно внушает мне почти животный страх и вызывает необъяснимый интерес. Когда мы стояли вдвоем в холле, я ощущала нечто похожее на…

Да. И с ним, безусловно, нужно быть предельно осторожной.

Проклятье, надеюсь, я не нажила новых проблем на свою задницу, оказавшись здесь.

«*Прошу тебя*, – мысленно обращаюсь я к Вселенной, – дай мне хотя бы небольшую передышку».

Я вытаскиваю из корзины первые попавшиеся вещи – джинсовые шорты и футболку со скелетами. Я не носила их уже много лет. Джесси не одобрял короткие шорты.

Ему нравилось, когда я выбирала яркие цвета. Нравилось, когда я перекрашивалась в блондинку. Нравилось, когда я выглядела *прилично*.

И всегда выходило так, что Джесси получал то, чего хотел.

Он был убежден, что я выбросила эту одежду, когда мы начали жить вместе, но на самом деле я спрятала ее в глубине шкафа.

Именно эти вещи я схватила, когда пустилась в бега.

Замираю на секунду, глядя на спортивные штаны, которые сейчас на мне. Может, остаться в них? Я совсем не знаю этих парней. А вдруг они какие-нибудь извращенцы?

Я качаю головой. Если они из таких, то лучше как можно быстрее вывести их на чистую воду.

Пока я переодеваюсь, телефон загорается, и я едва не спотыкаюсь, торопясь схватить его. Однако тут же отшатываюсь, увидев, сколько сообщений и пропущенных звонков высыпалось на экран, пока телефон был выключен.

Он.

Это, без сомнения, он.

Проснется с тяжелой головной болью и еще более скверным настроением – в бешенстве оттого, что меня, Элли и машины нет.

Я, не читая, убираю все уведомления, а затем касаюсь значка карты. На экране появляется пульсирующая синяя точка, расположенная посреди серого пространства. Пытаюсь увеличить масштаб, и тут же выскакивает сообщение:

Не удалось подключиться к сервису карт. Повторите попытку позже.

– Что это такое?

В правом верхнем углу экрана появился незнакомый символ, но потерянный значок спутника означает лишь одно: нет сети.

Судя по индикатору, здесь есть вайфай, но для подключения требуется пароль.

Дерьмо.

Я ставлю телефон на зарядку и надеваю обувь. Ничего страшного. Просто узнаю пароль. Это несложно. Нет причин для беспокойства. Все хорошо. Все под контролем.

– Идем, девочка.

Элли радостно лает, и я шикаю на нее, жестом показывая держаться рядом и вести себя тихо. Мы крадемся из комнаты и повторяем вчерашний путь к входной двери.

Раннее утро заливает дом мягким светом, и от этого он кажется еще более внушительным, чем я запомнила. А ведь он еще ночью поразил меня своими размерами. По широкой лестнице, ведущей в холл, могут свободно подняться сразу четыре человека, стоя плечом к плечу и не мешая друг другу.

В фойе и гостиной каждая мелочь говорит о кропотливой работе над интерьером. Предметы часами подбирались на аукционах и в небольших антикварных лавках, где ценники заставляют обычных людей хвататься за сердце. Рассматривая картину возле двери, я замечаю отдельные мазки кисти. Не репродукция. Подлинник.

О боже, да все эти картины на стенах выглядят так, будто им место в Лувре.

Кто вообще эти парни?

Тяжелая входная дверь не издает ни малейшего скрипа, когда мы выходим в бодрящий утренний воздух. Я вздыхаю с облегчением, чувствуя, как первые лучи солнца касаются моих щек. Длинная дорога, которую Элай назвал их подъездной аллеей, петляет среди деревьев.

Разве здесь не было ворот? Мне кажется, были. И я не видела этой дороги на карте.

Джесси не сможет меня здесь отыскать.

Полагаю, никто не сможет, если я сама этого не захочу.

Эта мысль одновременно приносит и утешение, и тревогу.

Элли громко лает, призывая меня идти за ней. Она весело виляет хвостом и нетерпеливо перебирает лапами, а затем убегает вдоль дома, следуя по мощеной дорожке.

– Элли.

Каждый шаг отдается острой болью в грудной клетке, и я ощущаю то самое место, куда пришелся удар подушки безопасности. Неприкрытая кожа на шее покраснела и воспалилась.

Ноги словно налились свинцом.

Я совершенно измотана и разбита, но Элли, кажется, чувствует себя превосходно, и это с лихвой компенсирует мое состояние.

Когда Джесси пнул ее, я подумала…

Не хочу даже возвращаться мыслями к тому, что тогда пронеслось у меня в голове.

Зато наблюдать, как она резвится в траве, поросшей крапивой, и с любопытством обнюхивает каждую мелочь, – вот что по-настоящему помогает заглушить боль.

– Элли, не убегай далеко, – кричу я ей вслед, когда она почти скрывается в зарослях.

Она сообразительная девочка. Обычно не отходит далеко, даже будучи без поводка. Но это незнакомое для нас место. Вдруг где-то обрыв? Или капканы? Или ядовитый плющ? Мы не на своей территории. И все же Элли будто точно знает дорогу: насторожив уши, она стремительно проносится мимо меня к задней части дома.

Я тяжело вздыхаю и, прижимая ладонь к ноющему боку, спешу за ней. Заворачиваю за угол и замираю как вкопанная: передо мной на заднем дворе раскинулся настоящий оазис.

– Ого.

Огромное патио полностью выложено камнем песочного цвета. Несмотря на то что здесь нашлось место как минимум для двух зон отдыха, обеденной зоны и летней кухни – а это что, сауна? – мой взгляд приковывает бассейн.

Он безупречен. Идеальный прямоугольник, словно высеченный прямо в камне. Вода – голубая, кристально чистая и такая манящая.

Элли, вся облепленная крапивой, уже готова броситься в нее с головой.

– Элли!

Она останавливается в последний момент у самого края и издает жалобный скулеж.

– Элли, нельзя.

Она садится, и в ее глазах читается немой упрек, ведь я помешала ей окунуться. Никогда не встречала у животных такого осмысленного, почти человеческого взгляда. Наверное, это и бесило Джесси больше всего.

Но именно за это я люблю ее всем сердцем.

– Мне показалось, тут кто-то есть.

Я резко оборачиваюсь и чуть не падаю со ступенек, но он реагирует молниеносно: хватает меня за предплечье, не давая упасть, и отводит от края. В его медово-карих глазах читается едва заметная строгость.

– Прости, – бормочу я, когда Элайджа отпускает меня и встряхивает рукой, словно ощутив боль.

Губы его изгибаются в полуулыбке:

– За что?

– Я просто… Понимаешь, Элли надо было…

Он приподнимает бровь, и я вдруг понимаю, что несу бессвязную чушь, наверное, еще и выгляжу как полная идиотка, но не могу заставить себя прикусить язык.

– Не надо оправдываться, – прерывает он меня, спасая от неловкости. – Я услышал лай и зашел узнать, как ты спала.

– Извини, если она тебя разбудила.

Он качает головой, и его густые каштановые волосы, пронизанные солнечным светом, отливают насыщенным рыжевато-медным цветом.

– Она меня не разбудила, – произносит он, небрежно пожимая плечами.

Удивительно, как я раньше не заметила, насколько этот мужчина красив. Волнистые темные волосы спускаются чуть ниже ушей, а оливковый оттенок кожи в сочетании со светлой рубашкой на пуговицах придает ему вид настоящего итальянского аристократа. Но светло-карие глаза, легкая щетина и кривоватая усмешка безошибочно выдают в нем американца голубых кровей.

Я выпрямляюсь и торопливо стираю с лица немое восхищение – нужно срочно переключить его внимание.

– Эм, наверное, это самый потрясающий бассейн, какой мне доводилось видеть.

Приблизившись к прозрачной, кристально чистой воде, я наклоняюсь и окунаю в нее пальцы. Вода нагрета до идеальной температуры – что, впрочем, неудивительно.

– Да, Аттикус буквально одержим его безупречным состоянием.

Если бы я не ощущала, как остро мое тело реагирует на его пристальный взгляд, я бы уже всерьез начала думать, что погибла прошлой ночью где-то на дороге и попала в некое подобие загробного рая.

Я тихо усмехаюсь, а он продолжает:

– Если хочешь искупаться, я принесу полотенца.

Мне очень хочется поплавать утром. Но у меня нет купальника, а его предложение, скорее всего, лишь проявление вежливости. Наверняка у него полно дел. Им, должно быть, приходиться немало работать, чтобы позволить себе такую жизнь. Уже не в первый раз я задумываюсь о том, а чем они, собственно, занимаются здесь, но понимаю: сейчас не лучший момент для подобных вопросов.

– Это было бы чудесно, но сперва мне нужно узнать, какие задачи мне предстоит выполнить сегодня.

Проклятье. Я тяжело вздыхаю.

– И нужно решить вопрос с машиной. Нельзя же просто бросить ее на дороге.

– Аттикус уже связался с местной автомастерской. Машину отбуксировали туда еще прошлой ночью.

– О.

– Не беспокойся об оплате за эвакуатор. Владелец гаража – наш давний друг, он был у нас в долгу.

Я заправляю выбившуюся прядь за ухо и внезапно осознаю: перед тем как вывести Элли на прогулку, я даже не причесалась. И не умылась. Вероятно, мой внешний вид оставляет желать лучшего. Отличное начало дня.

– Хорошо, что машину убрали с дороги, – отвечаю я, пытаясь непринужденно пригладить волосы рукой. – Но я сомневаюсь, что она подлежит восстановлению.

Тем более что сейчас с деньгами туго, и на ремонт точно не хватит.

– В любом случае мы сначала возьмем смету у мастера – а там уже сама решишь. Ладно?

Я киваю, с трудом заставляя себя перестать теребить эти проклятые волосы.

Между нами повисает напряжением молчание. В этот момент Элли бесшумно подходит ко мне и встает рядом, склонив голову и глядя на Элайджу с немым вопросом: *«Почему вы просто стоите?»*

Элайджа тепло улыбается собаке.

– Думаешь, она проголодалась? – спрашивает он. – Когда я выходил, Аттикус уже готовил завтрак.

Это… приглашение?

– У нее есть корм, – отвечаю я, невольно морщась, и продолжаю: – А если бы я смогла забрать свой чемодан. Кажется, там завалялось пара протеиновых батончиков…

– Аврора, – перебивает он меня. – Это всего лишь завтрак. К тому же я уверен, Аттикус до сих пор держит его на карантине.

– Серьезно?

– Да, он у нас гермофоб[11].

Хм. Теперь все встает на свои места.

– Я догадывалась.

– Ты очень наблюдательна, – с одобрением замечает он, и по моей спине пробегает дрожь.

– Идем. По пути на кухню я быстро покажу тебе дом.

Я шагаю за Элайджей, а Элли семенит следом. Он провожает нас обратно в дом, и едва мы переступаем порог, как меня накрывает соблазнительный аромат готовящегося завтрака, а во рту скапливается слюна. Я настолько голодна, что вряд ли вспомню хоть слово из короткой экскурсии по первому этажу, которую проводит для меня Элайджа: все мои мысли сосредоточены исключительно на хрустящем беконе.

[11] Гермофоб – человек, который испытывает навязчивый, чрезмерный страх перед микробами, бактериями и возможным заражением.

6. Пятьдесят тысяч причин. Аврора

Элли опережает нас и, ловко проскальзывая в узком пространстве между плитой и ногами Аттикуса, вбегает в просторную кухню, оборудованную по последнему слову техники.

Я морщусь:

– Элли! Ко мне, девочка.

Собака мчится без малейших колебаний, едва не врезаясь мне в колени. Пусть на свободе Элли и ведет себя как взорвавшийся фейерверк, но, к счастью, она всегда беспрекословно слушается меня.

Я уже собираюсь извиниться перед Аттикусом, но не успеваю и рта открыть, как в кухню из другой части дома входит Севен. На его лице играет лукавая усмешка, хотя на лбу видна зашитая рана, губа разбита, а один глаз опух. Я невольно засматриваюсь, как играют его татуированные мышцы под свободной футболкой, когда он поднимает руку, упираясь в дверной косяк, будто позируя для эффектного кадра для Буктока[12].

– Что у нас на завтрак? – обращается он к Аттикусу, но взгляд прикован ко мне. Севен облизывает губы.

Во рту пересыхает.

– Не новая горничная, – шутит Аттикус, переворачивая что-то в сковороде.

Я вздрагиваю, когда Элайджа склоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Не обращай внимания на Сева. У него напрочь отсутствуют манеры. Мы пытались его перевоспитать – безуспешно.

– Я все слышал, кретин.

Мои щеки мгновенно вспыхивают.

– Пахнет восхитительно, – замечаю я, решив сменить тему разговора, и опускаюсь на корточки, чтобы погладить Элли по животу. Так проще не смотреть ни на кого из них, пока мое лицо, черт возьми, все еще пылает.

Севен и Элайджа тем временем непринужденно беседуют, а я размышляю: не предложить ли мне свою помощь Аттикусу? К примеру, помыть посуду? Осматриваюсь, но не нахожу ни малейших признаков беспорядка. В этом гигантском доме все выглядит так, словно его тщательно убрали лишь сегодня утром. Полы сияют, и только в углу виднеется крошечное пятнышко грязи, которое принесла Элли на своих лапах. Черт! Я совершенно забыла их вытереть.

– Сиди, – обращаюсь я к Элли и направляюсь через кухню, огибая обеденный стол и массивный кухонный остров в сторону раковины. Но в тот миг, когда я пересекаю незримую границу между обеденной и кухонной зонами, Элайджа и Севен внезапно умолкают.

– Нет, – произносит Аттикус, не оборачиваясь и предостерегающе поднимая лопатку.

Я застываю на месте.

– Я просто хотела…

– Нет.

Я в замешательстве оглядываюсь на остальных парней.

– Он злой повар, – с натянутой улыбкой поясняет Элайджа. – В прямом смысле.

– На кухню никто не лезет без разрешения, – добавляет Севен. – Таковы правила Атти.

– Не смей меня так называть, черт возьми.

Я отступаю. Как неловко получилось.

– Хорошо.

---

[12] Букток (от *англ.* Book – книга – и TikTok) – масштабное онлайн-сообщество в TikTok (и аналогичных соцсетях с короткими видео), где пользователи делятся впечатлениями о прочитанном, создают обзоры, мемы, тематические подборки и эстетичные видеоролики под музыку.

Лучше свалить отсюда.

Но вместо этого я топчусь возле центрального острова, к которому непринужденно прислонился Севен.

– Как ты себя чувствуешь? – интересуюсь я.

– Как будто меня переехала машина.

Он ухмыляется, явно забавляясь. И хотя его слова бьют, словно нежданный удар под дых, но что-то в интонации и в этом игривом блеске голубых глаз вызывает у меня короткий, непроизвольный смешок. Он удивленно приподнимает темную бровь.

– О, боже мой. Извини. Я вовсе не хотела смеяться. Я… – Я прикусываю губу, изо всех сил стараясь придать лицу смиренное и виноватое выражение, но тщетно.

Если бы он перестал смотреть на меня так пристально, возможно, мне удалось бы совладать с собой.

– Не беспокойся, – произносит он в тот момент, когда я готова от стыда провалиться сквозь землю. – Ты вполне можешь посмеяться над моими неудачами. Остальные только этим и занимаются.

Напряжение, сковывавшее мою грудь, спадает, и я впервые свободно дышу.

– Раз уж речь зашла о пострадавших на дороге, – вклинивается в разговор Элайджа. – Нам нужно и тебя подлечить. Я сейчас вернусь.

Не успеваю я и рта открыть, как он уже вскакивает на ноги и покидает комнату.

– Думаю, он имеет в виду жуткий порез на твоей щеке, – объясняет Севен, проводя рукой по своему лицу.

Спустя несколько секунд возвращается Элайджа с большой черной коробкой для рыболовных снастей, на крышке которой аэрозольной краской нанесен красный крест, обозначающий аптечку первой помощи.

– Если не обработать рану, она может загноиться, и в результате останется ужасный шрам, – замечает он, ставя коробку и начиная в ней копаться. Элайджа извлекает пластырь и спиртовую салфетку. – Я тебя осмотрю, если ты не возражаешь?

– Нет.

Элайджа похлопывает по стулу перед собой, и я сажусь, неловко сложив руки на коленях.

– Спасибо.

Несмотря на то что Элайджа не подал ни малейшего повода усомниться в своих намерениях, я дергаюсь, когда он протягивает руку, чтобы осмотреть порез.

Он мгновенно останавливается.

– Прости, я не…

– Нет. – Я качаю головой, нервно перебирая пальцами. – Все нормально. Извини. Продолжай.

Элайджа действует настолько бережно, что я едва ощущаю жжение спирта, невольно любуясь тем, как пряди его волос частично закрывают ему лицо, пока он занимается обработкой раны. Но затем мой взгляд падает на его правую руку.

Тыльная сторона испещрена шрамами, а некоторые пальцы, кажется, так и не восстановились после какой-то пережитой травмы. Он вздрагивает, отклеивая пластырь, и мое сердце сжимается в груди.

Шрамы явно старые, но по его реакции ясно: они до сих пор причиняют ему боль.

Он ловит мой взгляд и хмурится, отчего я тут же опускаю глаза к полу.

Проклятье.

К счастью, он заканчивает довольно быстро.

Я ощупываю аккуратно обработанный порез, и меня накрывает успокаивающее тепло. Эта сучка всегда сама клеила себе пластыри. Даже не могу припомнить, когда в последний раз кто-то проявлял ко мне такую заботу. Это… приятно.

Только не вздумай сейчас разреветься. Соберись.

– У тебя отлично получается, – произношу я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, хотя внутри все дрожит, а к горлу подступает ком.

– Спасибо.

Рядом с ним настолько легко расслабиться и почувствовать себя в безопасности, что приходится напоминать себе продолжать держать ухо востро.

Я не стану доверять этим людям лишь потому, что они пришлись по душе моей собаке, а один из них даже заклеил пластырем мою дурацкую ссадину. Или потому что они все сногсшибательно привлекательны.

Тед Банди тоже был хорош собой, и кем он оказался на самом деле – настоящим психопатом.

Будь осторожна, Аврора.

Не доверяй никому.

Разве ты до сих пор этого не усвоила?

– Эй, – зовет Аттикус. Я оборачиваюсь и вижу, что он держит сковороду над металлической миской. – Я приготовил немного завтрака для Одиннадцать. Ей можно есть человеческую еду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.